

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 3

ТЕНЬ ОБЛЕКАЕТСЯ ПЛОТЬЮ

Глава 1	7
Глава 2	61
Глава 3	120
Глава 4	179

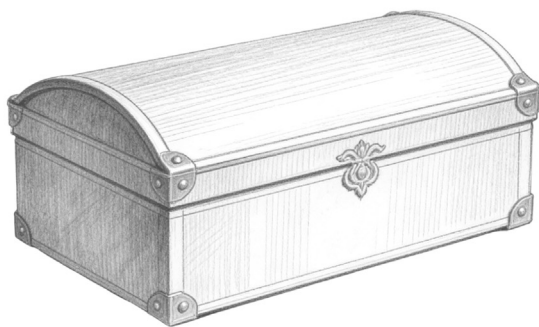
Часть 4

ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО

Глава 1	237
Глава 2	301
Глава 3	372
Глава 4	440
От автора	509

ЧАСТЬ 3

**ТЕНЬ ОБЛЕКАЕТСЯ
ПЛОТЬЮ**

*Когда армии сражаются, бывает, что одна
или обе стороны обращаются в бегство,
однако если это делается не из-за
предательства, а из страха, то это считается
не беззаконием, а позором.*

Томас Гоббс. Левиафан

*Однажды в Страсбурге я встретил человека, который
во время приготовления пастушеского пирога с бараниной
на моих глазах отправил в казан половину драхмы
майорана вместо указанного в рецепте орегано. На мое
требование объясниться он смущенно пояснил, что как-то
раз у него не было орегано, однако, вычитав где-то, что
майоран ничуть не уступает ему ароматом, он решился
на такую замену. Результат настолько его удовлетворил,
что он продолжает делать это даже спустя много лет,
с легкой душой используя майоран везде, где значится орегано.*

*Охваченный негодованием, я немедленно покинул его дом
и еще долго размышлял о том, как жалко в наше время
должен выглядеть лжец, солгавший не единожды, случайно,
по воле обстоятельств, как это иногда бывает даже
с добропорядочными христианами, но намеренно лгущий
себе годами, целенаправленно опутывающий себя
паутиной губительной лжи...*

«Большая поваренная книга Хиггса»

Глава 1

Когда Лэйд почувствовал это в первый раз?.. Позже он и сам не мог вспомнить. Странное ощущение поселилось с самого утра, и, хоть его нельзя было отнести к разряду неприятных или тревожных, оно досадно досаждало, как мелкий камешек, угодивший в ботинок.

Утренний чай показался несладким, несмотря на тщательно отмеренные три ложечки сахара. Ваниль из поставленной вчера партии отдавала несвойственной горечью, хоть поставщик и клялся, что товар высшего сорта. Уличные кошки с самого утра передвигались каким-то особенным, ни на что не похожим аллюром.

Были и прочие странности, самого невинного рода, вроде чересчур светлой сажи в камине или облаков причудливой формы, странности, которые он упорно старался не замечать, пока не просыпал случайно на кухне маисовую крупу, сражаясь со слишком плотно завинченной крышкой. Зерна рассыпались по столу, но не в хаотическом беспорядке, похожем на звездное небо, как это обычно бывает, а в виде литер английского алфавита, которые, несмотря на некоторую небрежность в начертании, легко и естественно складывались в надпись: «Ее светлости герцогине препоручается».

— Хм-м-м, — пробормотал Лэйд, потирая подбородок. — Чертовски занято.

Каждый лавочник в Новом Бангоре, будь он хоть уважаемым негодником из Редруфа, хоть мелким барышником, обстригающим свои грошовые сделки в Шипси, пусть немного, да суеверен — даже если считает себя самым трезвомыслящим человеком на свете. Иначе в торговом деле и нельзя. Даже самые отчаянные прагматики, верящие в исключительную силу цифр, обзаведясь собственной лавкой, быстро превращаются в закоренелых суеверных и мнительных мистиков.

Каждый уважающий себя лавочник в Миддлэке имел в распоряжении, помимо несгораемого шкафа и дежурной улыбки для постоянных покупателей, целую уйму различных примет, на которые полагался больше, чем на прогнозы в субботнем номере «Серебряного Рупора». Так, дождь во вторник принято было считать добрым знаком, несущим оживление в торговле, сломанный зонт — виновником описок в бухгалтерских книгах, а ноющее правое колено — симптомом, предвещающим несомненную удачу в делах.

А если вещи в твоей лавке начинают вести себя так, как не предусмотрено их природой?..

Лэйд усмехнулся, убирая рассыпанную крупу обратно в склянку.

У его собственного ремесла тоже были приметы. Самые разнообразные и зачастую весьма зловещие. Он не записывал их в учетные книги — не хватало еще, чтобы Сэнди хватил удар, — но мысленно помнил множество из них, как всякий уважающий себя охотник помнит отпечатки звериных и птичьих лап на земле. Однако эти...

Эти приметы не выглядели угрожающими. Более того — Лэйд поймал себя на том, что улыбается, — обещали нечто небезынтересное...

Чтобы проверить это наверняка, он предпринял еще несколько натурных опытов, пользуясь тем, что мисс Ассандра Прайс при помощи своего никелированного монстра легко сдерживает напор утренних посетителей. Некоторые из этих опытов могли бы показаться вполне невинными и больше напоминающими мальчишеское баловство, другие же могли бы серьезно обескуражить дюжину оксфордских профессоров с седыми бородами.

Сваренное вкрутую куриное яйцо, закрученное по часовой стрелке, останавливалось спустя три секунды — Лэйд засекал по хронометру, — а закрученное в обратном направлении крутилось бесконечно долго, причем на любой поверхности. Кунжутные семена, брошенные на стол, неизменно образовывали вензель Георга Пятого. Какао-порошок издавал отчетливый запах спаржи, а превосходный тростниковый сахар при горении выпускал розовый дым.

Что ж, все понятно. Все складывалось. Знаки были ясны, как звезды июньской ночью. Как роспись сэра Александра Эверарда Хамбро на пятифунтовой банкноте.

— Забавно... — пробормотал Лэйд, невидящим взглядом уставившись в окно. — Что ж, возможно, это и кстати. Давненько тебя не было, старый бродяга... Мисс Прайс!

— Да, Чабб?

Сэнди выглядела рассеянной, но не потому, что ее утомили посетители, — основной поток беспокойных утренних гостей успел схлынуть, унося свою добычу, муку, пачули, тальк и турецкий изюм. Скорее потому, что его голос вырвал ее из очередной книги, которую

она жадно поглощала, надежно укрыв на коленях под кассовым аппаратом.

Сегодня, кажется, это был «Капитан Фракасс», и Лэйд невольно ощутил вину за то, что ему пришлось вырвать Сэнди из недр замка герцога де Валломбрес, где отважный барон Сигоньяк в компании своих друзей-комедиантов вот-вот схватится насмерть с наемными герцогскими головорезами, — только лишь для того, чтобы вернуть в опостылевшую реальность.

Лэйд несколько раз прошелся по лавке, заложив руки за спину. Это была короткая прогулка длиной едва ли в дюжину шагов, не чета тем путешествиям, которые предпринимают бесстрашные джентльмены по Альпам, желая проверить свои силы, но обыкновенно она успокаивала его, как старого капитана успокаивает променада по крохотной капитанской каюте.

— Знаете, о чем я сегодня подумал, мисс Прайс?

— О грессбухах? — Сэнди обладала даром быстро перемещаться между двумя мирами, вымышленным и реальным, но глаза еще несколько секунд беспомощно моргали. — Я помню, после мартовской ревизии у нас не сошлось восемь пенсов. Обещаю, я обязательно их найду, едва только...

— Нет, я подумал совершенно о другом. Кхм. Вы слышали, на Тасман-стрит месяц назад открылся «Одеон»?

Сэнди неуверенно кивнула. И конечно, тут же лишилась пары шпилек, сама того не заметив, — ее тяжелые пшеничные волосы бурно протестовали против любых причесок, которые ей вздумывалось устроить у себя на голове, при всякой возможности пытаясь вернуться в естественную, определенную природой форму.

— Кажется, слышала. А что?

— Говорят, превосходный синематограф, — небрежно обронил Лэйд, — по европейскому образцу, просторный зал, мягкие кресла и даже, вообразите себе, кондиционированный воздух! Говорят, на этой неделе там крутят «Рипа ван Винкля» с Джозефом Джефферсоном. Отличная лента! Просто отличная!

Сэнди нахмурилась, отчего Лэйд на миг невольно ощутил себя герцогом де Валломбрез, задумывающим какую-то интригу против Сигоньяка и его партии. Черт возьми, ничего удивительного. В «Бакалейных товарах Лайвстоуна и Торпа» синематограф никогда не был популярной темой для обсуждений, он и сам при случае не упускал возможности уколоть его, упрямая в легкомысленности и считая забавой для праздных бездельников.

— Да ну?

— Говорят, его будут крутить еще только три дня, представляете?

— Может, и будут. Мне-то что?

Лэйд сделал горестный жест рукой, подсмотренный им в театре, жест, который он обыкновенно приберегал для общения с чрезмерно ретивыми кредиторами.

— Как что, мисс Прайс? Как что? Да будет вам известно, Этти, служанка из «Глупой Утки», видела эту ленту уже трижды и нашла необычайно занятной. Аргарет, приказчица Скара Торвардсона, смотрела на этой неделе. Эсилия из «Домашних товаров»...

— Да я же никогда не... К чему вы это ведете, Чабб, а?

— Господь Всемогущий! Да к тому, что вы, кажется, остались единственной особой на Хейвуд-стрит, которая еще не видела эту ленту!

— А что, если и так?

— Фаршированная треска! — Лэйд гневно ударил ладонью по прилавку, но осторожно, чтобы не разбить склянок с уксусом и маслом. — Вы хотите, чтобы

о Лэйде Лайвстоуне, уважаемом бакалейщике, пошел по Хукахука слух, будто он сживает своих работниц со свету? Будто запирает их в темнице, благоухающей несвежим маслом, лишая молодости и всех удовольствий, что ей свойственны? Хотите навлечь позор на мою седую голову? Заставить всех покупателей шарахаться прочь от моей лавки и плевать мне вослед на улице? Возбудить ненависть ко мне в целом городе?

Глаза Сэнди широко раскрылись.

— Что? Господи! Нет, что вы, я...

— Вот и отлично! — Лэйд запустил руку в кассовый аппарат, сварливо звякнувший выдвижным ящичком и чуть не прикусивший ему пальцы — этот верный зверь из никеля и стали признавал только легкую руку Сэнди, — и, повозившись там, извлек на свет немного потемневшую монету. — Потому что этим вечером вы идете в «Одеон» на «Рипа ван Винкля». И не возражайте. «Лайвстоун и Торп» оплатят вам это маленькое удовольствие. Сколько стоит нынче билет? Два пенни? Превосходно. Вот вам шиллинг. И не вздумайте приносить мне сдачу! Возьмите себе соленой кукурузы или шоколаду, или чем там еще лакомятся в наше время симпатичные юные девушки?

Сэнди уставилась на шиллинг так, точно это была черная метка в руке старого слепого пирата.

— Слушайте, Чабб, я не так уж сильно люблю синемаатограф, если по правде. Знаете, я собиралась задержаться сегодня после работы, чтобы разложить гроссбухи и все-таки найти те злосчастные восемь пенсов. К тому же...

Лэйд решительно покачал головой.

— Ну уж нет. И слушать не буду. Имейте в виду, мисс Прайс, сегодня вечером ровно в четыре часа я собираюсь вышвырнуть вас из этой лавки. А если вы попыдаете вломиться силой, предупреждаю, для

этого вам понадобится пожарный багор, лом и заряженное ружье!

Сэнди улыбнулась, но почти тотчас вновь нахмурилась. Ее брови, напоминающие тяжелые пшеничные колосья, неуверенно дрогнули.

— Это что... наказание? Я провинилась? Черт возьми, Чабб, я знаю, что иногда бываю немного рассеянной, я в самом деле чуть было не взвесила сегодня миссис Ронан «косихикари» вместо ямайского риса, который она просила, но я же... Пойдите-ка!

— Ну что еще?

Брови Сэнди Прайс вновь дернулись и сделали стойку, точно пара грациозных охотничьих псов, учувших запах добычи.

Дьявол. Он совсем позабыл, что мисс Ассандра Прайс хоть и была воспитана на беллетристике самого скверного пошиба, которую скармливают своим читателям писаки вроде Буссенара, Монтепена и Леру, но при этом не чуралась и полицейских романов, которыми снабжают публику Коллинз, Габорио и прочие бумагомаараки, воспитывая в читателях болезненную мнительность, подозрительность и...

Лэйд ощутил себя схваченным с поличным. Будто свет фонаря выхватил его в темной кухне с хозяйским серебром в руках или, того хуже, с куском свиного пирога во рту. Сэнди не отличалась ни высоким ростом, ни могучей комплекцией, по правде сказать, ее едва видно было за кассовым аппаратом, но в этот миг она сделала даже более внушительной, чем покойный Саливан в своем блестящем полицейском шлеме.

— Вы ведь нарочно пытаетесь изгнать меня из лавки под любым предлогом, не так ли? Хотите убрать свидетелей? Ну и ну! Что это вы намереваетесь делать сегодня вечером, хотела бы я знать? Пригласить джентльменов из Хейвудского треста и резаться с ними в бридж до утра? Может, покурить тайком

рыбьей чешуи? Заняться чем-нибудь еще предосудительным?

— Мисс Прайс! — Лэйд с достоинством расправил плечи. — У джентльмена в моем возрасте осталось не так-то много предосудительных занятий, которыми можно заняться без риска слечь на неделю с ноющей печенью или растянуть связки. Но...

— Но вы кого-то ждете! То-то я удивилась, что вы велели Диогену протереть стекла, а еще прибрались в своем кабинете. Вы кого-то ждете!

— Не исключено, — вынужден был признать Лэйд. — Не все же время мне сидеть с этими старыми индюками из Хейвудского Треста. Дело в том, что один мой старый приятель намеревался сегодня нанести мне визит, вот я и...

От удивления Сэнди выпрямилась за кассовым аппаратом, не заметив потери еще пары шпилек.

— Вы... Черт возьми, Чабб! Это дама? Скажите мне, это дама? Ваша приятельница? Может...

— Пресвятые пескари! — Лэйд вытер платком лоб. — Никакая это не дама! Это мой старый приятель, с которым я не виделся уже много лет. И поверьте, ровным счетом ничего предосудительного мы не затеваем. Раздавим пару бутылок вина, покурим трубки, предадимся воспоминаниям о той поре, которая согревает грезы стариков...

Сэнди улыбнулась.

— Вы не старик, Чабб!

— Но определенно состарюсь преждевременно, если буду и дальше пререкаться с вами, мисс Прайс! Это мое последнее слово — едва только пробьет четыре, вы покинете эту лавку и вернетесь лишь завтра утром. Кстати, я буду ждать от вас подробного доклада о жизни и бытии мистера Рипа ван Винкля, так и знайте!

Сэнди фыркнула, но приняла свою участь. Спустя минуту она уже сосредоточенно шевелила губами, забыв об этом разговоре, беззвучно перелистывая страницы книги, удобно расположившейся у нее на коленях. Судя по ее горящим глазам, в этот раз герцог Валломбрез превзошел сам себя, и дальнейшие события обещали быть куда удивительнее и интереснее тех, что разыгрываются обыкновенно под сводами «Бакалейных товаров Лайвстоуна и Торпа».

Лэйд мог ей только позавидовать.

Часы показывали два часа пополудни, и это означало, что ждать еще долго — многие и многие часы до самого вечера. Вот только, в отличие от Сэнди, он не мог позволить себе скрасить их досужими фантазиями. Его ожидало много работы.

Мистер Хиггс как-то заметил: «После того как телятина посыпана специями и водружена в печь, сделайте доброе дело во имя ваших близких — покиньте кухню и не появляйтесь там по крайней мере полтора часа. Поверьте на слово, изнывающий от ожидания джентльмен, меряющий нервными шагами кухню, способен доставить дополнительные неудобства при слуге и домочадцам, но никоим образом не ускорить процесс приготовления».

Мудрый старик.

Пытаясь занять себя делом в ожидании вечера, Лэйд заметил, что приносит куда больше проблем, чем пользы, — занятая мыслями голова отдавала рукам путаные и противоречивые приказы, отчего те вели себя точно парочка подгулявших китобоев, творя Бог весть что. Он трижды выронил совочек для сахара, ошибся на два пенса, отсчитывая мистеру Патни сдачу с шиллинга, а после чуть было не

отпустил миссис Пиджин три унции керосина вместо оливкового масла.

Когда он разбил банку консервированных персиков, даже у Сэнди истощилось терпение.

— Господь великий, Чабб, вы что, вызвали на состязание Диогена, чтобы решить, кто из вас причинит этой лавке больше бед за один день? Знаете что? Отправляйтесь — ка лучше в свой кабинет, здесь я управлюсь и одна!

Упрек был обиден, но вполне справедлив. Ворча под нос, Лэйд удалился в комнатуху в задней части лавки, но и там не обрел успокоения. Беспокойство, овладевшее им с утра, не улеглось, напротив — немилосердно покусывало, точно постельные клопы из дешевых мебелированных комнат.

Чтобы унять его, он сел было играть в шахматы, но не закончил даже первой партии — знакомые дебюты складывались в какую-то абракадабру, а фигуры разбредались по доске, точно выпущенные из загона овцы. Даже их силуэты вызывали в душе подспудную тревогу. Слоны казались зловещими, точно вырезанные из обсидиана идола полинезийских божков, кони — окаменевшими чудовищами, выбравшимися из моря, лады — жертвенными алтарями, ждущими подношений...

Не закончив играть, он сложил шахматы обратно и взялся было за старую подшивку «Панча», которую держал как раз на такой случай, но обнаружил, что начисто утратил чувство юмора, — остроты и карикатуры, прежде казавшиеся уморительно смешными, обратились банальностями, не способными вызвать даже кривой усмешки, разве что изжогу.

Сэнди этим вечером словно нарочно испытывала его терпение. Она немилосердно долго проверяла дневную выручку, вписывая цифры в гроссбух так кропотливо, словно от этого зависела чья-то жизнь,

протирали припорошенные мукой столы, безжалостно отправляла в мусор отслужившие свое бечевки и упаковочную бумагу. Лишь в четверть пятого она наконец соизволила набросить свой плащ и двинуться к двери.

— Чабб!

— Да?

— Я ухожу! На столике возле двери я оставила вам свежий номер «Луженой Глотки», как вы просили.

— Как я просил? — рассеянно уточнил он. — Зачем бы он мог мне понадобиться?

Сэнди укоризненно покачала головой. Она - то легко выскальзывала из мира литературного и воображаемого в мир суетный и наполненный великим множеством скучных бакалейных вещей.

— Там внутри субботний футбольный листок. Если не ошибаюсь, вы намерены заключили с мистером Маккензи какое-то пари насчет того, как ребята из Глазго сыграют с «Селтиком».

Лэйд лишь досадливо поморщился. На прошлой неделе они с Маккензи в самом деле заключили пари стоимостью в три пенса, но сейчас он был слишком возбужден, чтобы проверять футбольный листок. Газета никуда не денется до завтрашнего дня. А вот с тремя пенсами, похоже, придется распрощаться — победить Маккензи в споре можно, лишь заручившись помощью дьявола, да и его проклятые «Рейнджеры» вознамерились, кажется, выиграть все матчи вплоть до того момента, когда архангел Гавриил на правах верховного арбитра объявит перерыв в игре...

Шаги Сэнди по улице невозможно было с чем-то перепутать. Лэйд некоторое время с удовольствием в них вслушивался, как безотчетно вслушиваются все мужчины в цокот дамских каблучков. Размеренный успокаивающий ритм, перемежаемый неравномерными, выпадающими из общего строя нотками...

Убедившись, что Сэнди ушла, и затворив за ней дверь, Лэйд прошелся по кабинету, пристально разглядывая всю небогатую его обстановку. Стол, стулья, стены, обои, подсвечники, шкафы... Со стороны могло бы показаться, что он прикасается к предметам наобум, но он точно помнил, что ищет, — пальцы уверенно находили на нужных местах кропотливо вырезанные символы.

«Тики», «хику тахора», хвост кита, перекрученная спираль, акулый зуб, рыбацкий крюк...

Обманчиво простые на вид, некоторые из них походили на примитивные, нацарапанные детской рукой рисунки, но Лэйд помнил, сколько труда в них вложено. Некоторые требовалось немного подновить стальной булавкой, но большая часть не нуждалась в заботе. Он вырезал их много лет тому назад, но достаточно тщательно и кропотливо, чтобы знаки не стерлись даже за полста лет. Бакалейщикам свойственна основательность...

Что еще он мог позабыть? Лэйд торопливо огляделся. Бутылка вина — не какой-нибудь жижи, которую с молчаливого согласия гостей «Глупой Утки» принято считать вином, настоящее пино-нуар — уже откупорена, дышит, насыщая воздух мягкими полуцветочными ароматами. Шкатулка на столе — до нее наверняка не дойдет дело, но он привык подстраховываться даже там, где не требовалось. Шкатулка, вино и...

Свет. Не все гости любят яркий, царапающий глаза свет гальванических ламп. Лэйд выключил освещение, оставив гореть лишь газовый рожок, и тот закрутил до той степени, что в кабинете образовалась приятная мягкая полутьма. Что-то еще?.. Сверток. Небольшой сверток, обмотанный парусиной, в ящике его письменного стола. Лэйд поколебался, даже взял его в руки — увесистый! — но доставать не стал, спрятал